

Ф.Н. Козырев

ТАЙМЫРСКОЕ ДЕЛО Н.А. КОЗЫРЕВА:

документы, молчавшие 75 лет

В судьбе Николая Александровича Козырева таймырское дело образует переломную точку, в которой водоворот репрессий, почти утянувший его в глубину, из которой нет возврата, неожиданно сменился встречным потоком, несущим к свободе, свету и славе будущих свершений. Для биографов это дело стоит особняком и потому, что о нем ходит слишком много разных и несовместимых легенд, и в силу некоего особого света, который бросает оно на ту эпоху. Как писал Б.М. Владимирский, «в научной судьбе Н.А. Козырева эпоха запечатлена так глубоко, рельефно и страшно, как в никакой другой»¹. И если первое, пулковское дело, открытое в конце 1936 года, было достаточно типично для тех лет с трафаретными обвинениями в участии в антисоветской организации, то во втором, таймырском, философичность обвинений и высота материй, которых они касались, оттесняют политическую сторону вопроса в тень. Таймырский окружной суд, осудивший Козырева на новый срок в дополнение к уже имевшейся «десятке», был судом инквизиции, и правы были И. Шкловский и А. Дадаев, сравнивая Таймырский процесс с судом над Галилеем.

В справке КГБ СССР «О судьбе пулковских астрономов» это событие описано одной фразой: «25 октября 1941 года “за проведение враждебной контрреволюционной агитации среди заключенных” [Козырев] арестован вторично и 10 января 1942 года Таймырским окружным судом Красноярского края в с. Дудинка, приговорен к 10 годам лишения свободы с поражением в политических правах на 5 лет». Но в пересказах тех, кто писал о пребывании Козырева в Норильлаге – А.Н. Дадаева, С.А. Снегова, И.С. Шкловского, С.Э. Шноля, С.Л. Щеглова, Н. Дзюбенко, А.И. Кульпина и др., – содержится много подробностей, передаваемых изустно и отклоняющихся в той или иной мере от действительной канвы событий по правилу испорченного телефона. Так все-таки были или нет эти почти неправдоподобные обвинения в приверженности теории расширяющейся Вселенной, стихам Есенина / Гумилева и принципу «сознание определяет бытие»? Было или нет ожидание расстрельного приговора, неожиданно отмененного высшей инстанцией? Сегодня на эти вопросы можно ответить определенно, опираясь на официальные документы, что я и намереваюсь сделать в этой статье.

Документы, о которых идет речь, были получены старшим сыном Николая Александровича Александром в тот момент, когда двери архивов КГБ внезапно и с размахом открылись для родственников репрессированных, так что даже то, на что не мог взирать простой смертный ни до, ни после, можно было если не скопировать, то, по крайней мере, увидеть. Большинство документов из личного дела Н.А. Козырева было скопировано Александром Козыревым именно тогда, а перед смертью передано младшим братьям. Так они оказались в моих руках. На мой взгляд, они настолько красноречивы, что почти не нуждаются в комментариях, и статью можно было бы составить целиком из них. Но я все же позволю себе небольшие словесные интервенции в тех местах, которые требуют пояснения или подтверждения, а также там, где мои личные воспоминания окажутся уместны.

Начнем с предыстории. Во второй половине 1936 – начале 1937 года около 100 сотрудников Пулковской обсерватории, ленинградского Астрономического института и связанных с ними

¹ Владимирский Б. М. [100 лет со дня рождения Н. А. Козырева](#) // Время и звезды: к 100-летию Н. А. Козырева. — СПб.: НесторИстория, 2008. — С. 586

учреждений были привлечены к ответственности как участники вымышленной органами НКВД фашистской террористической организации, якобы «ставившей своей целью свержение Советской власти и установление на территории СССР фашистской диктатуры». Среди них был и старший научный сотрудник Пулковской обсерватории Козырев. Он был арестован 6 ноября 1936 года и осужден 25 мая 1937 в закрытом судебном заседании по ст. 58 пп. 8 и 11 У К РСФСР на 10 лет тюремного заключения с поражением в политических правах на 5 лет и с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. Вскоре как родственники врага народа в тюрьме оказалась жена Козырева Вера, а затем и его младший брат Алексей. Старшие сестры с матерью были отправлены в ссылку. До мая 1939 года Н.А. Козырев содержался в тюрьме г. Дмитровск-Орловский Курской области, а затем был этапирован в Норильские лагеря. Два эпизода пребывания Козырева в Дмитровском центре описаны Солженицыным в главе «Тюрзак» «Архипелага ГУЛАГ».²

Многое осталось за рамками биографий и опубликованных воспоминаний. К примеру, Солженицын упоминает «глаза обезумевшего сокамерника». Я помню рассказ отца о том, как этот сокамерник, действительно, сумасшедший, в последние дни своей жизни бегал по камере за своим домашним котом и как легко вынесли его, уже умершего, вместе с матрасом два красноармейца. В нем уже почти не осталось веса. Вскоре в таком положении оказался и Козырев. Со смехом отец вспоминал, что у него, как у умирающего, возникла даже привилегия не вставать, когда в камеру входит начальство. Он очень хорошо помнил момент, когда по коридору тюрьмы покатился гул подряд открываемых камер. Предположение о массовом расстреле казалось тогда наиболее вероятным. И поэтому, когда отворилась, наконец, и его дверь, на вопрос «Вы встать можете?» он инстинктивно замялся с ответом. Тогда голос стоявшего над ним повторил: «Вы встать можете? В лагерь поедете». И дальше – я это выражение помню точно – отец увидел картину «Дантов ад»: в косых лучах света по коридору, поддерживая друг друга, двигалась вереница существ, больше похожих на тени, чем на живых людей.

Прибыв в Норильлаг с большим этапом 17 июля 1939 года, Козырев несколько месяцев провел на тяжелых общих работах с ломом и топором в руках, после чего у него началась водянка сердца. Он был переведен на легкие работы, а с весны 1940 года был расконвоирован и призван на топографические съемки с. Дудинки и его окрестностей. Этот последний перевод тоже был связан с ярким моментом, не отмеченным у биографов. Отец вспоминал, как вышел из барака на воздух в погожий весенний день. Прислонившись к стене барака, он ловил едва заметные первые потоки тепла от солнца, а когда открыл глаза и посмотрел вниз, то увидел ящерицу, заползшую погреться на его черный сапог. И эта ящерица совершенно по-некрасовски нашептала ему, что надо жить. Именно тогда, смотря на нее, он принял решение идти к начальнику лагеря (что могло кончиться и плохо) и предложить себя в качестве геодезиста. И здесь пора перейти от воспоминаний к документам.

1. СЛЕДСТВИЕ

Справка КГБ сообщает о том, что арест Козырева состоялся 25 октября 1941 года. Действительно, в деле есть «Постановление о принятии дела в производство», подписанное сержантом НКВД Аскинасом 25 октября 1940 г. В нем говорится, что на осужденного Козырева поступил материал, который можно квалифицировать по ст. 58-10 Ч. 1 УК РСФСР. Тем же числом подписано и постановление об избрании меры пресечения в виде ареста. Но есть там и

² См.: Козырев Д.Н. [Козырев и Солженицын](#). Тюрзак (отрывок) // Время и звезды: к 100-летию Н. А. Козырева. — СПб.: НесторИстория, 2008. — С. 779-783

другие документы. Так, во время допроса на Лубянке 2 августа 1945 г. Козырев сообщает буквально следующее: «В конце июня 1941 г., вернувшись из экспедиции по изучению ледохода на реке Енисей в станке Новоселенье, я был заключен в следственную тюрьму. Только в ноябре я был вызван следствием, причем мне было предъявлено обвинение по статье 58-10, часть 1. В январе 1942 г. по этому обвинению меня судил окружной суд Таймырского национального округа». Эти сведения совпадают с показаниями Козырева, данными им в ходе следствия в Дудинке 14 ноября 1941 г.: «С декабря 1940 г. и до момента моего заключения в ШИЗО (27 июня 1941 г.) я работал начальником Дудинской Мерзлотной станции...», и далее: «...взысканий я не имел и в ШИЗО не находился до настоящей изоляции с 27.06.41». Итак, Козырев находился в изоляторе Дудинского лаготделения не с октября, а с конца июня 1941 года, и дело на него начали «шить» задним числом под уже принятое решение об аресте. И это важно, поскольку биографами высказывалось мнение, что вторичный арест был инициирован руководством лагеря,

53426
130 с 180

СЕКРЕТНО

Министерство Государственной Безопасности СССР
Центральный архив

УЧТЕНО
1962 г.

ОБЩИЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД

ДЕЛО по обвинению Козырева
Николая Александровича

П-24192 в 4м 25
Ленинград обл

АРХ. № ~~200001~~

П-24192 Количество томов „2“, том „2“

У.Н.К.В.Д. по Ленинградской обл.
наименование органа прокуратуры, в котором находится дело

П-24192

Год производства 1946

ИЛИ ДЕЛО ДОЛЖНО БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНО
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МГБ СССР

6-504
5842

недовольным результатами съемки, которую проводил Козырев. Более правдоподобной кажется версия, связывающая арест с началом войны. Не забудем, что Козырев обвинялся за участие в фашистской организации. Косвенным свидетельством в пользу этой версии выступает то, что младший брат Козырева Алексей был арестован и приговорен к расстрелу (позже замененному на 10 лет) точно в то же время. И еще то, что показания, данные против Козырева его сокамерником в ШИЗО, касались вопроса об отношении Козырева к войне и возможной немецкой оккупации Пулково. Видимо, во всей этой истории не было «ничего личного», просто исправная работа машины обеспечения государственной безопасности в годы войны.

Первыми по хронологии материалами нового дела выступают протоколы допросов свидетелей А.И. Плахова и М.К. Степанченко от 16 октября 1941 г. Один находился вместе с Козыревым в ШИЗО с июня 1941 г., другой – в течение 2-3-х месяцев 1940 г. в одной секции барака лагеря. Из показаний Плахова (орфография и пунктуация изменены, часть характерных ошибок оставлена):

На вопрос: «Вы можете охарактеризовать, что из себя представляет Козырев в своих политических убеждениях?»

Ответ: «Более глубоко, что из себя представляет Козырев в своих политических убеждениях я охарактеризовать не могу, но ряд разговоров протекавших в камере Дудинского отделения по ШИЗО дали мне основания сделать вывод, что з/к Козырева отнести к числу лояльных людей к Советской власти нельзя, это я могу мотивировать следующими фактами.

В первых числах октября месяца 1941 года в изоляторе в камере з/к Козырев завел разговор с научной точки зрения о возникновении вселенной и касаясь возникновения нашей планеты (Земли) Козырев сказал, «что есть теория, по которой возраст земли определяют в два миллиарда лет. К этому же возрасту относятся и ряд планет нашей системы». На что з/к Белецкий ему ответил, что ваша теория близка к ереси эвангельской (так в рукописи – *Ф.К.*), и тут же Лицкий, обращаясь к Козыреву, спросил, а какая-же по вашему в этом вопросе Марксистская точка зрения, на что Козырев ответил: «Марксистской теории по этому вопросу нет».

Через несколько дней после первой беседы, число не помню, у нас возник разговор на тему военных действий Германии с Советским Союзом, в процессе наших разговоров я выразил интерес почитать газеты, что происходит на фронте и особенно в Ленинградском направлении, то в это время Козырев сказал: «что ему безразлично, что там происходит и к этому не какого интереса не имеет».

На мой вопрос Козыреву, разве вам безразлично, что произойдет в местечке Пулково (место работы до ареста Козырева) Пулковская обсерватория, где находится инструмент по вашей специальности, на что Козырев мне ответил: «что у меня потребность только создавать, работать в области своей специальности, а в какой обстановке и где-бы это не происходило это безразлично для него». И на этом наш разговор кончился».

Допрос окончен в 13 ч. 50 м. Протокол записан с моих слов и мне прочитан вслух (подпись).

Из показаний Степанченко:

«Заклученный Козырев с моей точки зрения воспитан на едипистических (так в рукописи – *Ф.К.*) книжках и потому склад его идеологии буржуазный. Козырев открыто в разговорах не признавал такую характеристику его правильной, но по тем суждениям, которые он высказывал по различным вопросам философии, литературы, поэзии, явно следует. Например, в октябре месяце 1940 г. проживая в секции АТН барака № 13 в разговоре с з/к Кричманом в моем присутствии Козырев заявил, что «бытие определяет сознание» это неверное положение философии», – Козырев считает верным другое положение, а именно, что «сознание определяет бытие». В процессе этого же разговора Козырев заявил: «что

Энгельс не является для него авторитетом в вопросах науки, что он (Козырев) не считает гуманитарных дисциплин науками».

В октябре месяце 1940 в том же бараке, где мы проживали в моем присутствии (и) в разговоре с Кричманом, з/к Козырев, ведя разговор о поэзии и литературе, высказал свое мнение, «что советская литература ему далека и неинтересна и что в число лучших пяти поэтов мира он зачисляет наряду с Пушкиным и Байроном так-же поэта Гумилева». На мой вопрос, известно ли Козыреву, что Гумилев за к-р преступление расстрелян Советской властью, Козырев ответил, что ему это известно и от этого стихи Гумилева не стали хуже.

Неоднократно в беседах Козырев заявлял, что политикой он не интересуется и газет не читает, а что его интересует только его научная работа. Больше по существу поставленного мне вопроса ничего не известно».

Допрос окончен в 15 ч. 35 м. Протокол записан с моих слов и мне прочитан вслух (подпись).

Эти два протокола, собственно, и составляют тот материал, на основе которого девять дней спустя сержант Аскинас возбудит уголовное дело. Позже доказательная база будет укреплена показаниями еще одного свидетеля – того самого С.А. Кричмана, на которого ссылался Степанченко. 11 ноября на тот же вопрос о политических убеждениях Козырева Кричман ответит:

«В беседах, происходивших в кабинке в период октября, ноября месяцев 1940 г. и позже, Козырев Николай Александрович неоднократно подчеркивал, что он стоит на идеалистических позициях, что наука является внеклассовой. Козырев доказывал, что Марксизм и Ленинизм эта не есть наука, а это какое-то недоразумение, не имеющее ничего общего с наукой, Козырев так-же говорил, что Маркса и Энгельса не только нельзя назвать учеными, а наоборот они являются профанами в области науки.

Советских писателей Горького, Шолохова и Маяковского Козырев определял как бездарных, а их произведения скучными нечего не дающими не сердцу не уму, в то же время Козырев поднимал на щит антисоветского поэта Гумилева считая его в ряду величайших поэтов мира.

Советских газет Козырев ни до лагеря, ни в лагере не читал, т.к. по его словам они далеки от истины. По вопросам философии Козырев утверждал, что «бытие определяет сознание» это неверное положение философии, что правильно будет другое положение «сознание определяет бытие».

Когда поднимались вопросы о мероприятиях правительства, как-то: создание трудовых государственных резервов, создание ремесленных училищ, усиление наказания за мелкие кражи и др., Козырев относился ко всем этим мероприятиям отрицательно, заявляя «как это все ужасно». Обычно такого рода высказывания имели место в присутствии моем, з/к Степанченко Михаила Константиновича и Синегубкина Иннокентия Андреевича.

Помню еще следующий факт. Козырев рассказал, что еще до ареста будучи в Ленинграде был такой случай, когда Папа Римский опубликовал в заграничной печати клеветническое сообщение о том, что якобы Советское Правительство преследует астрономов, по этому вопросу состоялось собрание астрономов для обсуждения данного клеветнического заявления, и когда принимался такой ответ папе Римскому опровергающего это клеветническое утверждение, что Козырев оспаривал какой-то пункт резолюции и в следствии этого не подписал ответа советских астрономов, по словам Козырева его примеру последовали некоторые другие астрономы, так-же не подписавшие это ответное письмо.

Об этом факте якобы – стало известно Папе Римскому который опубликовал вторично заявление, что (заявление) ответ советских астрономов не есть голос настоящих астрономов, что настоящие астрономы как Козырев и др. не подписавшие ответа Папе Римскому.

Больше показать ничего не могу».

Протокол записан с моих слов и мной лично прочитан (подпись).

Итак, все правда. В основу обвинения, действительно, положены и вопрос о возрасте Вселенной, и сомнения в компетентности Энгельса в астрономических вопросах, и не политические, а поэтические предпочтения Козырева, и диалектика сознания и бытия. И, словно повинуюсь какой-то зловещей усмешке истории, в этом инквизиционном процессе XX века всплывает Римский престол. Этот последний пункт особенно интересен, поскольку он напрочь выпал из воспоминаний и биографий. А между тем, правда то, что заявление советских астрономов было, и Козырев его действительно не подписал. Не подписали и его друзья Амбарцумян и Еропкин, из чего можно предположить, что показания Кричмана в основе своей верны. Козырев позже на суде и на Лубянке даст собственные объяснения по этому поводу и подтвердит, что он не только не подписывал письмо, но и уговаривал не отправлять его в таком виде, поскольку исторические нелепости, в нем содержащиеся, позорят советских ученых. Так и получилось. Ответ секретариата папы Пия XI был выдержан в тонах, выражающих удивление необразованностью советских ученых. Неточность лишь в том, что истинными учеными Ватикан назвал не пулковчан, а членов Нижегородского кружка любителей физики и астрономии, построивших в 1927 году обсерваторию на здании педагогического института:

«Мы сказали “мнимые астрономы” не только потому, что авторы “открытого письма” по-видимому незнакомы с тем, что хорошо известно всякому ученому астроному, знающему историю своей науки, но также и потому, что единственные русские ученые, которые действительно занимаются астрономией, т.е. те, которые работают в Нижнем Новгороде, поддерживают постоянно обмен изданиями с Ватиканской обсерваторией. Последняя получила также и их ежегодник 1930 г. в обмен на свои объемистые научные труды»³.

Впрочем, этот сохранившийся ответ, конечно, не исключает существования и другого текста, в котором мог упоминаться Козырев.

На этом следствие было практически завершено. Через два дня после допроса Кричмана, 13 ноября 1941 г., составляется протокол об окончании следствия, с приложением акта медицинского освидетельствования Козырева⁴, 17 декабря – обвинительное заключение, а 25 декабря дело передается в суд.

Что же обвиняемый? С первого допроса, состоявшегося 4 ноября 1941 г., и до последних допросов, проходивших уже на Лубянке, он категорически отрицает свою вину. В протоколе указанного допроса (под которым, в отличие от протоколов допросов 1936-37 гг., стоит его подлинная подпись), обвиняемый подтверждает почти все показания Плахова и Степанченко, давая им собственные пояснения. Согласно им, ответы в разговоре с Плаховым на военные темы были даны с целью прекратить разговоры на эту тему. Контрреволюционная деятельность Гумилева, действительно, по мнению Козырева, не имеет значения в оценке его художественного творчества, а гуманитарные науки в сравнении с физико-математическими могут быть названы науками лишь с натяжкой. В развитии последнего тезиса есть интересное место, которое стоит привести дословно:

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля з/к Степанченко, который говорит, что гуманитарные науки для вас науками не являются и что труды Энгельса для вас не являются авторитетными. Вы признаете это?

³ Ответ Ватикана ["Обсерваторе Романо" от 2/IV 1930 г.] на Открытое письмо советских астрономов римскому папе Пию XI [«Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 27/III 1930 г.] - <https://universe-tss.su/main/history/42070-otkrytoe-pismo-sovetskih-astronomov-rimskomu-pape-piyu-xi.html>

⁴ Стоит заметить, что в этом акте отражена жалоба на отек нижних конечностей – явные последствия не до конца вылеченной водянки сердца. По рассказам отца в пик болезни, пришедшейся на зиму 1940-41 гг., ноги у него раздулись до состояния фонарных столбов. Единственное, что смог посоветовать вызванный помощник врача (лекпом) – лежать, подняв ноги вверх.

Ответ: В отношении гуманитарных дисциплин я говорил Степанченко только то, что мной сформулировано в предыдущем ответе, что касается трудов Энгельса, то я говорил, что ссылка Степанченко на авторитет Энгельса по вопросу естествознания является опощением трудов Энгельса, так как в трудах Энгельса часть относящихся к научному естествознанию сильно устарела. По вопросу советской литературы я Степанченко говорил «что в советской литературе нет таких больших художников, работа которых меня бы увлекала».

25

Протокол

ОБ ОКОНЧАНИИ СЛЕДСТВИЯ

Я, Ошер Умолюмович 13 ноября 1947 г.

ис обвиняем Умолюмович Норильлаг'а НКВД Аскина

Е В Александровичу УНК предъявил обвиняемо Козыреву Михаилу

а Александровичу все следственное производство для ознакомления, причем последнему

му под задал вопрос не желает ли он чем-либо дополнить следствие и не имеет ли

ру. задаст, на что обвиняем Козырев Михаил Александрович ответил, что с материалами ознакомлен полностью и заявил, что хотел бы прибавить к следственному делу рукопись Козырева

К сестр. М. Козырев

Документы об окончании следствия предъявил:

Ошер Умолюмович
Сарташ Габ. Габ.

24

АНТ

Органического освидетельствования заключенного

9 сентября 1947 г. Козырев Михаил Александрович

Фамилия Козырев имя Михаил отчество Александрович

год рождения 1908 3. Статья УК 58-11 4. Срок 10 л.

какая работа в лагере Мерзлотная осужден нет

какая работа в стационарном лечебном лагере нет (да, нет)

когда по поводу сколько времени по какому

на какой быт на поперечном зрении, не совсем
профессии, на отделе широк измеритель
рублины

Обратим здесь внимание на выражение «опощение трудов Энгельса». Мы встретим его потом и в обвинительном заключении, и в приговоре, только направленным уже против самого Козырева. Тогда это выражение, возможно, было у всех на слуху. Во всяком случае в издании «Исторического материализма» Ф.В. Константинова и Г.Б. Глазермана (1950) оно присутствует: «Ленин и Сталин отстаивали чистоту учения Маркса от опощения его оппортунистами всех

мастей». Как оно попало в протокол, едва ли можно установить, но по хронологии документов выходит, что Аскинас подхватил его у Козырева, чтобы бить врага его же оружием.

Наибольшую биографическую ценность из документов досудебного периода представляют собственноручное показание Козырева, составленное через день после окончания следствия, и заявление о вызове в суд дополнительных свидетелей по делу. Приведем эти документы полностью.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПОКАЗАНИЕ

Я никогда контрреволюционной деятельностью не занимался ни на воле, ни в лагере. До настоящего момента я жил надеждой на пересмотр и отмену приговора, приведшего меня в лагерь, и на возможность возвращения к полноценной жизни ученого, целиком занятого своей научной деятельностью. В настоящий момент, согласно полученным извещениям, мои жалобы по этому делу находятся у Главного Военного прокурора.

По предъявленному мне новому обвинению оперчеккистской частью Дудинского Лаготделения заявляю, что никогда и нигде агитации я не вел. Все мои мысли были заняты вопросами научного естествознания. Я дорожил каждой минутой своего отдыха, после выполнения обязательной работы заключенного, для продолжения теоретических исследований по моей специальности астрономии и закончил в лагере целый ряд научных работ. Если мне когда-либо и приходилось говорить не на научные темы и не по ходу текущей работы, выполняемой по норилкомбинату, то лишь в порядке необходимости отвечать на вопрос собеседника.

С декабря 1940 г. и до момента моего заключения в ШИЗО (27 VI 41 г.) я работал начальником Дудинской Мерзлотной станции, проживал с другими работниками станции и имел с ними самое тесное общение. За пять месяцев своей изоляции и нахождения под следствием следственные органы, несомненно, ознакомились с моим поведением на этой работе и характерно, что никаких компрометирующих меня материалов за этот период в деле нет. Следственный материал состоит из двух частей: 1) показание з/к Плахова (от 16 X 41 г.). С Плаховым я находился в ШИЗО в одной камере. Плахов мог отрывочно слышать мои беседы по астрономии, которые я проводил по просьбе з/к з/к Белецкого, Малецкого, Зенина. 2) показания Степанченко (тоже от 16 X 41 г.) и Кричмана (от 11 XI 41 г.), относящиеся к периоду моей работы в техчасти Дуд. отд. капстроительства в должности инженера-геодезиста (октябрь – ноябрь 40 г.), когда я с этими лицами проживал в 8-местной секции барака. Когда там не было электрического освещения и я не мог достать свечи для научных занятий, по просьбе Степанченко и Бера, в течение двух вечеров излагал вопросы современной астрономии. При этих беседах, кроме Степанченко и Бера, присутствовали Кричман, Ногтев и Синегубкин. Вопросы происхождения и строения Вселенной приводили разговор к философским темам. Не будучи болтуном, я привык говорить только о том, что я хорошо знаю. Поэтому разговор философского порядка начинался не по моей инициативе. Я считал, что имею дело с лицами достаточно образованными, с которыми можно говорить не только трафаретными фразами, а более интересно, и буду правильно понят. Тем не менее в своих показаниях Степанченко искажает смысл моих слов. Показания Кричмана просто не соответствуют действительности, и только Кричман приписывает мне антисоветские высказывания по чисто политическим вопросам:

1) Я никогда не говорил, что советских газет я не читаю, потому что они содержат неправильные сведения. Я говорил только, что газет, газет вообще, я почти не читаю, и объяснял почему – меня глубоко увлекают абстрактные вопросы, а не отдельные события текущего дня.

2) О мероприятиях Сов. власти по организации технических училищ я услышал от Кричмана и просто не понимаю, как можно приписать мне или кому угодно нелепую реплику – «как это ужасно».

3) Эпизод с римским папой, бывший в 29 г., который я рассказал Кричману, изложен им неточно, с неправильной окраской моих слов.

В остальном показания Плахова, Степанченки и Кричмана сводятся к тому, что я настроен идеалистически, имею идеалистические воззрения. Это недоразумение вызвано тем, что 1) меня всегда глубоко возмущает упрощенческий и дилетантский подход к научным проблемам и 2) привычка уважать собеседника, желание избежать менторского тона не позволили мне до конца разжевывать свои мысли. Эти два обстоятельства позволили свидетелям исказить смысл моих слов. Характерно, что чем ближе стоял свидетель к научной деятельности, тем точнее он передает смысл моих слов. Я говорил, что гуманитарные и описательные науки в сравнении с науками физико-математическими очень мало развиты, ибо критерием развития науки является степень систематизации знаний, фактов и, следовательно, возможность дедуктивных построений и применений математических методов. Совершенно неверный вывод отсюда, что я пренебрежительно отношусь к творческой работе создателей социальных наук – Маркса, Энгельса, Ленина. Наоборот, работа в мало развитых науках особо трудна и каждый успех здесь вызывает чувство глубокого уважения к силе гения творцов этих наук. Показания Степанченко о том, что я отрицал авторитет Энгельса как ученого – недоразумение. Я говорил, что ссылаться на авторитет Энгельса по конкретным вопросам научного естествознания нельзя – для философских работ Энгельса эти вопросы могли быть лишь иллюстрацией, устаревшей в настоящее время. «Бытие определяет сознание» – против истины спорить нельзя, но я подчеркнул, что бывает и обратное влияние надстройки «сознание» на базис «бытие», и привел пример. По вопросу о том, классовая ли наука, я, беря примером астрономию, сказал, что совокупность научных знаний внеклассовая и что классово лишь их применение – идеологическое использование. Наконец о моих литературных вкусах. Я очень люблю поэзию, и стихи Гумилева безусловно имеют большую художественную ценность. Мне говорил з/к Бер В.Г., что некоторые стихи Гумилева приводятся в школьных хрестоматиях 10-го класса. Горький – один из моих любимых писателей, а о Маяковском я всегда говорил, как о поэте очень большого таланта. Я говорил, что человек должен иметь идеалы, и Кричман толкует это как мое заявление, что я идеалист.

В деле содержится характеристика моей работы в лагере. Она неверна. 1) Я утверждаю, что под моим руководством Мерзлотной станцией выполнен ряд больших работ, имеющих серьезное научно-техническое и производственное значение. Работа станции для выполнения этих задач была мною радикально перестроена. Сектору изысканий управления проектирования норилкомбината и техчасти капстроительства это известно и настоящую производственную характеристику работы должны дать эти организации. 2) Вопреки сказанному в характеристике, не было случая выдачи мной инструмента постороннему лицу, взыскания я не имел и в ШИЗО не находился до настоящей изоляции с 27 VI 41 г.

14 / XI – 41. Н. Козырев

Председатель Окрсуда Таймырского национ. округа

№ 91

Козырева Николай Александрович,
обвиняемый по ст 58 п.10 ч.1 УК РСФСР
следственное дело № 952

Заявление

28

По делу
вещей
свидетели
и след
временно
судебном

по делу моего обвинения, для установления истинного положения вещей прошу Вас вызвать на суд нижеперечисленных дополнительных свидетелей. Часть из этих свидетелей находится в Норильске - поэтому необходимо возбудить перед Вами это ходатайство заблаговременно, с тем чтобы эти свидетели смогли присутствовать на судебном заседании.

1. 3/к
Ногтев

Ногтев Александр Петрович, Норильск V-ое Лаготделение.

исид

Ногтев присутствовал при моих разговорах с Кричманом и на замечание Кричмана, что мои высказывания не соответствуют взглядам советского человека, заявил: «Я внимательнейшим образом следил за словами Козырева и утверждаю, что только нарочито неправильное толкование этих слов могло привести Кричмана к подобному заключению.»

2. 3/к

заним.х
Кайстроид

Белецкий Марк Маркович, Норильск. В своих показаниях Плахов передает часть моего разговора с Белецким, который Плахов слышал только отрывочно. Совершенно естественно допросить Белецкого о смысле этого разговора.

в деле
моей работы
работя Дуд
изыскания
Дуд. суд
характери
инженера
изыскания
заседании

Вотроцкий Валерий Иванович, порогаяя моя характеристика была в лагере как над. Мерзлотной Станции. Так как Ст. Мерзлотной Станции была связана с работой Сергея Михайловича Кайстроидова, то прошу Вас, для моей истинной характеристики затронуть отзыв о моей работе в-ка ДМС у в-ка Ким Михаила Васильевича. Зап. начальника Сергея Михайловича Кайстроидова Норильск 2) вызвать на судебное заседание в качестве свидетелей:

3. 3/к

дело суд
моего
свелье

Зайцев Владимир Борисович инженер Шехчеда Кайстроидова Дудинка V-ое Лаготделение. Зайцев хорошо знает мою работу в лагере, так как через Зайцева осуществлялась связь Мерзлотной Станции с Шехчеда Кайстроидова

4. 3/к

Бер Владимир Георгиевич. Дудинка V-ое Лаготделение /им в работе/

ЗАЯВЛЕНИЕ

По делу моего обвинения для установления истинного положения вещей прошу Вас вызвать на суд нижеперечисленных дополнительных свидетелей. Часть из этих свидетелей находится в Норильске - поэтому я счел необходимым возбудить перед Вами это ходатайство заблаговременно, с тем чтобы эти свидетели смогли присутствовать на судебном заседании.

1. 3/к Ногтев Александр Петрович, Норильск, V-ое Лаготделение. Ногтев присутствовал при моих разговорах с Кричманом, и на замечание Кричмана, что мои высказывания не соответствуют взглядам советского человека, заявил: «Я внимательнейшим образом следил за словами Козырева и утверждаю, что только нарочито неправильное толкование этих слов могло привести Кричмана к подобному заключению.»
2. 3/к Белецкий Марк Маркович, Норильск. В своих показаниях Плахов передает часть моего разговора с Белецким, который Плахов слышал только отрывочно. Совершенно естественно допросить Белецкого о смысле этого разговора.

В деле содержится неверная, порочащая меня характеристика моей работы в лагере как нач. Мерзлотной станции. Так как работа Дудинской Мерзлотной станции была связана с работой сектора изысканий управления проектирования норилкомбината и техчастью Дуд. отд. капстроительства, то прошу Вас, для моей истинной характеристики 1) запросить отзыв о моей работе н-ка ДМС у в/н инженера Ким Михаила Васильевича, зам. начальника Сектора изысканий Упр. проектирования Норильск 2) вызвать на судебное заседание в качестве свидетелей.

3. з/к Зайцев Виталий Борисович, инженер техчасти капстроительства Дудинки IVое Лаготделение. Зайцев хорошо знает мою работу в лагере, т.к. через Зайцева осуществлялась связь Мерзлотной станции с техчастью капстроительства.

4. Бер Владимир Георгиевич. Дудинка IVое Лаготделение. Бер работал больше года вместе со мной на Мерзлотной станции. В октябре 1940 г. проживал вместе со мной, Степанченко, Кричманом и присутствовал при всех разговорах, упоминаемых в деле, происходивших в этот период.

26 декабря 1941 г. Н. Козырев

Из показаний мы узнаем, что формальным (и надуманным) поводом к заключению Козырева под стражу стала передача вверенного ему инвентаря некоему постороннему лицу. Большой интерес представляет запрос о вызове в суд Ногтева – того самого зловещего первого начальника Соловецкого лагеря особого назначения, оказавшегося в 1937 г. по другую сторону решетки. Здесь опять предстоит обратиться к одному из распространенных мифов. Н. Дзюбенко сообщает в своих воспоминаниях: «Существует легенда о том, что Козырев, будучи в Дудинке, спас замерзающего человека, дотавив его до тепла. Как оказалось впоследствии, это был Александр Петрович Ногтев — бывший начальник Соловецкого лагеря, в свое время погубивший немало «подопечных» СЛОА. В те годы Ногтев тоже был заключенным, проверял на себе крепость революционной законности. Во время следствия по делу Козырева Ногтев был одним из свидетелей, так как какое-то время они поддерживали контакты. «Я чутьем старого чекиста сразу увидел — передо мною враг» — так отозвался Ногтев о своем спасителе»⁵. На это сообщение ссылаются и С.Л. Щеглов (Норильский)⁶ и Википедия в статье о Ногтеве. Но похоже, что легенда эта не вполне соответствует действительности. Рассказ отца о том, как он нашел Ногтева замерзающим у барака, я смутно припоминаю.⁷ А вот приписываемых ему слов я в деле не нашел. Есть другие, близкие по смыслу, которые будут приведены немного позже. И есть заявление, из которого следует, что Козырев ожидал от Ногтева показаний в свою защиту. Причем ожидал настолько уверенно, что заранее вкладывал в его уста предполагаемые слова. По всей видимости, Ногтев, действительно, был должником отца, да только полагаться на это обстоятельство было ошибкой. Что касается фразы о чекистском чутье, то здесь я предполагаю типичную контаминацию. Фразу эту я точно слышал от отца, но в рассказах о начале пулковского дела. Перед выходом в 1936 году в советской прессе серии разоблачительных статей о «пулковских нравах»⁸ в Пулково приезжал какой-то комиссар. И вот он кричал, по воспоминанию отца: «Я чую пролетарским чутьем, что на этом холме свила себе гнездо контрреволюция».

⁵ Дзюбенко Н. «...Козырев замахнулся на само Время!» // О времени, о Норильске, о себе... Кн. 1 / ред.-сост. Г. И. Касабова. – М. : ПолиМЕдиа, 2001. – С. 209-224

⁶ Норильский Сергей (Щеглов С. Л.) Время и звезды Николая Козырева. Заметки о жизни и деятельности российского астронома и астрофизика. — Тула: ГРИФ и К, 2013. — С. 29

⁷ Причину бедственного положения, в котором оказался Ногтев, назвать не берусь. Может быть, он был пьян, может быть, ранен. Помню только из рассказа отца, что Ногтева кто-то проиграл в карты. Обычай делать ставки на жизнь другого з/к водился тогда между урками.

⁸ Славентантор Д. Лестница славы // Ленинградская правда, 4 июня 1936; Славентантор Д. Рыцари раболепия // Ленинградская правда, 18 июля 1936

2. СУД

Выездная сессия Таймырского окружного суда изначально была назначена на 29 декабря, но отложена ввиду неявки прокурора. В результате суд состоялся 10 января. К делу подшит протокол судебного заседания со стенограммой, из которой мы узнаем ряд новых и важных подробностей. Ниже стенограмма приводится целиком (орфография и пунктуация исправлена).

Под. Козырев Николай Александрович, 1908 г. рожд., урож. г. Ленинграда, женат, русский, б/п, из мещан, образование высшее, по профессии профессор-астроном, судим 1 раз в 1937 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР в г. Ленинграде по ст. 58.8-11 УК. Срок 10 лет л/св⁹ и 5 лет п/п¹⁰. Обв. закл. получил 26/ХП-41 г.

Ходатайствует о вызове дополнительных свидетелей Ногтева, Белецкого, Зайцева и Бер и запросить характеристику.

Пом. прокурора Норильлага НКВД тов. Поляков: Я считаю ходатайство подс. Козырева удовлетворить. Ч.К.А.¹¹ тов. Самохвалов с мнением прокурора согласен.

Суд, посоветавшись на месте, определил ходатайства подс. Козырева в отношении вызова свид. Ногтева, Белецкого, Бер... в отношении запроса из Норильска отказать и принять во внимание, что данная характеристика не верна, в отношении свид. Зайцева также отказать. Свидетели предупреждены по ст. 35 УК и удалены из зала суда.

Подс. Козыреву разъяснены права и обязанности, предусмотренные ст. 277 УПК. Оглашается состав суда, отвода не заявлено. Оглашается обв. заключение.

Подс. **Козырев** виновным себя не признал, суду пояснил: Я никогда контрреволюционной агитацией не занимался. Находясь в лагере, я свободное время отдавал своей работе по астрономии и болтовней не занимался. Разговор шел таким образом: меня просили рассказывать об астрономии, и свидетели неправильно поняли меня и создали на меня дело. Разговор шел со Степанченко о писателях. Я ему говорил, что писатель Гумилев замечательный. Мой любимый писатель Горький. Я говорил, что развитие сознания и науки изменяет людей. Я считаю, что если бы улучшились наука и сознание, улучшилось бы бытие. Авторитет Энгельса как великого мастера я не отрицал. Гуманитарные науки. Я говорил – это почти не науки. Речь шла, что папа римский вмешивается во многие дела. Я привел один эпизод. Папа римский писал в одной статье, что в Советской стране астрономам жизнь ухудшается. Было написано письмо папе римскому и там допустили одну историческую ошибку. Я это письмо не подписал. По получению этого письма папа римский дал ответ, что подписали это письмо не астрономы простые, что допустили такую ошибку, а настоящие астрономы, и указал мою фамилию, не подписали. С получением такого письма мы все, кто не подписали, дали ответ, что если мы не подписали, то не значит, что мы против Советской власти. И переписка была закончена.

Свид. **Кричман** Семен Александрович, подс. посторонний, ссор не было. Свои показания подтверждаю. Суду пояснил: Я проживал с Козыревым в одной кабинке в летний период. Были разговоры <...> Козырев говорил: марксизм – это не наука, а поэтому Маркс и Энгельс не являются учеными. Говорил, что не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие. В отношении советских писателей говорил: это не писатели. А вот писатель Гумилев – это писатель великий. Козырев говорил, что его даже знает папа римский. Когда была статья папы римского, то астрономы писали опровержение папе римскому, и Козырев и ряд других астрономов не подписали это опровержение. Тогда папа римский написал еще статью, что не все советские астрономы подписали опровержение, а такие выдающиеся не подписали, как Козырев. Насчет ремесленных училищ и указов Козырев относился пренебрежительно. В отношении газет Козырев говорил, что советские газеты скучные и далеко от истины, а

⁹ лишения свободы

¹⁰ поражения в правах

¹¹ член коллегии адвокатов

поэтому их читать неохота. При таких разговорах присутствовали Степанченко, Синегубко и Гончаренко. Бывали периоды, что Козырев в секции работал.

Подс. **Козырев** разговор о ремесленных училищах и указах не отрицает. Пояснил, что разговор такой был.

Свид. **Степанченко** Михаил Константинович, подс. посторонний, ссор не было. Свои показания подтверждаю. Суду пояснил: Козырева я знаю с мая 1940 г. Жили мы в одной комнате в одном бараке. Я сталкивался с Козыревым по работе. Впоследствии мы с Козыревым жили в комнате, где помещалось еще 8 человек. Козырев очень часто вступал в споры по различным вопросам. Был разговор. Кто-то в камере сказал: бытие определяет сознание. Козырев сказал: нет, не верно. Сознание определяет бытие. Я задал вопрос: кто Вы? Материалист или идеалист? Козырев сказал: идеалист. Я ему сказал, что наверно ты не грамотный. Козырев обиделся. Я ему рекомендовал читать Маркса – Энгельса. Он сказал: меня это не интересует. Козырев говорил, что его мало интересуют текущие события. Я ему говорил, что ученые наоборот. Козырев привел Ньютона: «Господи, как вам не душно сидеть в этой камере!» Я ему сказал, что Энгельс однажды назвал Ньютона ослом. Козырев сказал, что Энгельс – это для меня не авторитет. Я ему тогда сказал прямо: что ты будешь, революционер или контрреволюционер? Козырев на это сильно обиделся. Козырев говорил, что Гумилев – это замечательный человек. Он писал замечательные стихи. Я ему сказал, что Гумилев вел контрреволюцию. Козырев говорил: да, он контрреволюционер. Он расстрелян. Козыреву был задан вопрос, кого бы он отнес 5 человек к лучшим писателям. Козырев сказал: Байрон, Пушкин, и сюда внес Гумилева. Я себе сделал вывод, что хотя Козырев и профессор, но не советский. Был такой разговор. Козыреву задан был вопрос: есть ли загробная жизнь? Козырев сказал: конечно, есть, не может ведь жизнь кончаться смертью. Козырев говорил, что его не интересует злоба жизни и политика, а интересует математика, астрономия. Козырев говорил, что поэты Шолохов, Маяковский меня не удовлетворяют.

Подс. **Козырев**: Я говорил, что я идеалист. Это игра слов.

На заданный вопрос свид. **Степанченко** сказал: Козырев на Мерзлотной станции проделал большую работу и довольно хорошо, и проделал как ученый. Мне пришлось проверять работу Козырева.

Свид. **Плахов** Александр Иванович, подс. посторонний, ссор не было. Свои показания подтверждаю. Суду пояснил: В камере был разговор. Козырев говорил о планетах и Солнце. Он говорил: Земля существует 2 млн. или млрд. лет, точно не помню. И сослался на одного ученого, фамилию я не знаю. Вопрос возник о газетах. Козырев говорил: меня газеты не интересуют. К нам в камеру привели беглецов. Они говорили, что бои идут под Ленинградом. Козырев тогда заинтересовался, а где именно. Под Пулковом они сказали – нет. У него там аппарат, где он работал. Я его спросил, а где бы по-твоему лучше Пулково осталось – на той или этой стороне. Козырев меня понял и сказал: для меня безразлично. Я человек ученый и я призван создавать, где бы это ни было. Он привел пример с женщиной: «В каком бы условии женщина ни была, когда ей нужно родить, она родит в любой остановке. Для меня точно так же. В каком бы я условии ни был, для меня все равно, т.к. я призван творить».

Свид. **Ногтев** Алескандр Петрович, подс. посторонний, ссор не было. Суду пояснил: Вообще велись неоднократно споры на различные темы. Возник вопрос о литературе. После долгих разговоров Козырев отнесся к некоторым советским писателям критически. Козырев поставил далеко выше Пушкина, Толстого, чем Маяковского. Козырев здесь же заявил, что не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие. Затем Козырев говорил: меня текущая обстановка политики не интересует. Затем обсуждалось учение Маркса. Козырев говорил, что учение Маркса является не учением. Козырев говорил, что писатели Маяковский и Шолохов его не удовлетворяют. Об указах от 10 / VIII – 40 г. Козырев отзывался отрицательно. Козырев своим поведением относится к старой гнилой интеллигенции. Козырев считал себя научным человеком, остальное он все не признавал, ничем не интересовался.

Свид. **Белецкий** Марк Маркович, подс. посторонний, спор не было. Суду пояснил: Мы просили Козырева рассказать об астрономии. Когда Козырев рассказал о теории французского ученого, Козырев говорил, что мир создан каким-то божеством. Я его спросил: а какая теория Маркса? Козырев сказал: для меня не известно.

Свид. **Бер** Владимир Георгиевич, подс. посторонний, спор не было. Суду пояснил: Я считал Козырева большим энтузиастом физико-математической науки. Козырев считал науку с формулами, а где нет формул, это не считал наукой. Козырев говорил: я очень жалею, что не прочитал все книги Клиффа¹². Козырев говорил, что он знает творчество Гумилева лучше, чем других современных писателей. Я не помню разговора о том, что бытие определяет сознание или сознание бытие. Когда Козырев руководил станцией, станция работала хорошо.

Судебное следствие подс. Козырев пополнил все показания Кричмана, Степанченко, Ногтева: «Я считаю, что они меня поняли неправильно и все новые формулировки для них показались странными. Я утверждаю, что мои формулировки – это мои мысли, а мои мысли являются чисто революционными».

Судебное следствие окончено. Суд предоставляет слово прокурору.

Пом. прокурора Норильлага НКВД тов. **Поляков** сказал в своем заключении: Я считаю, что состав преступления доказан и прошу суд на основании ст. 58 применить 10 лет л/св.

Ч.К.А. тов. **Самохвалов** в своем выступлении сказал: Я считаю, поскольку Козырев может дать много полезного для современного общества, применить более мягкую меру наказания, как просит Гос. обвинитель.

В последнем слове подс. **Козырев** сказал: Я никогда не проводил контрреволюционной агитации. Я всегда любил разговаривать со своими собеседниками. И вот в таких разговорах меня неправильно поняли и создали на меня дело. Я прошу суд дать мне возможность, т.к. я подал жалобу по моему делу и питаю надежду, что я вернусь к своей прежней работе и освобожусь из лагеря, и не лишать меня свободы.

Суд удаляется на совещание для вынесения приговора. По возвращении оглашается приговор, срок и порядок его обжалования.

Председательствующий (подпись)

Секретарь (подпись)

Хотя не все выступления, прозвучавшие на суде, попали в стенограмму, она позволяет достаточно неплохо представить общий ход заседания и роли каждого из фигурантов. Отец всегда говорил, что на суде у него был один защитник – В.Г. Бер. Несмотря на смысловой пропуск в формулировке решения суда о вызове свидетелей, резонно заключить, что помимо Бера в суде очно участвовали и Белецкий, и Ногтев. О том, что они допрашивались по делу Козырева впервые, говорит отсутствие фразы «свои показания подтверждаю» перед началом пояснений.

Значительный интерес в биографическом отношении представляет приведенное Степанченко суждение Козырева о загробной жизни и сравнение ученого с женщиной на сносках в показаниях Плахова. Находит наконец документальное подтверждение легендарная история с Ньютоном и ослом. Список Козырева из пяти лучших писателей пополняется Толстым. В этом списке непременно должен был бы быть Гёте, но упоминания о нем нет, и я предполагаю, что эту свою любовь Козырев ввиду понятных обстоятельств держал втайне. Отец любил вспоминать, как Бер, старавшийся изо всех сил поддержать его в суде, делал все невпопад. Например, он заявил, что Козырев из отечественных поэтов ценит совсем не только Гумилева и Пушкина, а еще и Есенина, полагая тем самым придать воззрениям Козырева более патриотический вид и упуская из внимания, что Есенин тогда еще считался кулацким поэтом. К счастью, суд не

¹² По- видимому, имеется в виду Энгельс – Ф.К.

зацепился за это показание. В веренице пересказов история эта вывернулась наизнанку и так появилась и в биографии Дадаева, и в заметках других авторов версия, согласно которой именно в почитании Есенина обвинялся Козырев. Теперь мы знаем, что это не так. Хотя я сам какое-то время разделял эту версию, она меня смущала тем, что я никогда не слышал от отца стихов Есенина. Гумилева же он декламировал постоянно. Особенно любил, как легко догадаться, стихотворение «Орёл». Да и не вяжется как-то Есенин в компанию к Байрону, Гёте и Пушкину. Гёте отец тоже любил декламировать, причем на немецком. Эта привязанность сослужила, я думаю, немалую роль в его сближении с М. Шагинян, известной поклонницей великого немецкого поэта и благодетельницей семьи Козыревых. Что касается Владимира Георгиевича Бера, то он до конца дней своих (1971 г.) был самым близким другом Николая Александровича, крестным отцом его сыновей.

Приговор Таймырского окружного суда гласил:

«...Материалом дела и свидетельскими показаниями установлено: что з/к Козырев отбывая меру наказания в Норильском ИТЛ НКВД занимался антисоветскими разговорами, которые были направлены на опошление трудов Маркса – Энгельса, а также дискредитировал проводимые мероприятия партией ВКП(б) и Сов. Власти. Свои к/р разговоры проводил как в Октябре 1940, а также и в Октябре 1941 года и последующий период времени. Суд считает, что предъявленное обвинение з/к Козыреву материалом дела и свидетельскими показаниями свидетелей, доказано, а поэтому на основании вышеизложенного суд руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР

ПРИГОВОРИЛ

з/к Козырева Николая Александровича по суду признать виновным, в том что проводил к/р разговоры за опошление учений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также проводимые мероприятия ЦКВКП(б) и Соввласти т.е. в преступлении предусмотренным по ст 58-10 ч I УКРСФСР и подвергнуть к 10 годам (десять) лишения свободы с поражением политических прав сроком на 5 лет. На основании ст. 49 УК РСФСР неотбытый срок по ранее вынесенному приговору поглотить настоящим приговором, считая к отбытию с 10 января 1942 года. Мера пресечения оставить прежней, т.е. содержание под стражей. Взыскать с осужденного Козырева Н.А. в пользу члена коллегии адвокатов Самохвалова за выступление в суде 250 руб. Приговор может быть обжалован в 72 часовой срок в Уголовно-кассационную коллегию Верховного Суда РСФСР через Таймырский Окружной Суд.

Председательствующий: Мотолапов
Нарзаседатели: Глушенкова и Бурдалев

Примечательно, что из приговора таинственным образом выпало то обвинение в безразличии Козырева к итогам боев под Ленинградом, с которого все началось, и которое, учитывая военную обстановку и то, что Козырев отбывал срок по обвинению в фашизме, должно было по логике стать краеугольным камнем дела. Можно предположить, что оно, как говорится, рассыпалось в суде. Может быть, Плахов запутался в показаниях, а может быть, суд посчитал, что это уж слишком – обвинять человека в безразличии к чему бы то ни было. Но все это только догадки.

Еще надо заметить, что говорить о добавочных десяти годах лишения свободы, которые получил Козырев по приговору Таймырского суда, не совсем верно. Фактически он получил пять с учетом поглощения предыдущего срока.

В кассационной жалобе, составленной в указанный срок и подписанной подсудимым 13 января 1942 г., упор делался в основном на нестыковки в показаниях свидетелей и повторялся тезис о неверной интерпретации вскользь высказанных мыслей. К жалобе прилагались собственноручные показания, практически идентичные тем, что были написаны 14 ноября 1941 г. и воспроизводились нами выше. В этой жалобе горечь от несправедливости, подлости и

предательства тех, на кого Козырев рассчитывал в суде, впервые выливается в ответный упрек: «Свидетели назвали меня идеалистом только потому, что я в часы отдыха был целиком поглощен продолжением научных исследований по моей специальности теоретической астрофизики и имел интересы не связанные с примитивно-материальным благополучием, что ... [неразборчиво]... раздражало их обывательское самолюбие». И нескрываемой болью проникнут последний абзац этой жалобы:

Прошу кассационную коллегию отменить приговор окр. суда за отсутствием состава преступления с моей стороны и не лишать меня надежды на возможность возврата к полноценной жизни ученого, целиком занятого научной деятельностью. Самое тяжелое в моем заключении – это трудность продолжения начатых мной исследований – решения одной из самых захватывающих задач научного естествознания, задачи происхождения энергии Солнца и звезд. На этом пути мною сделано уже многое и очень мучительна невозможность опубликовать, поделиться полученными результатами. Я имею силы и знание, и единственная мечта моей жизни, это иметь возможность осуществить свои научные замыслы и принести тем самым посильную пользу Советскому Государству.

Прошу Кассационную коллегию отменить
за отсутствием состава преступления с моей стороны
меня надежды на возможность возврата к полноценной
- жизни ученого целиком занятого научной деятельностью
Тяжелое в моем заключении - это трудность продолжения
научных исследований - решения одной из самых захватывающих
задач научного естествознания, задачи происхождения энергии
Солнца и звезд. На этом пути мною сделано уже многое и очень
мучительна невозможность опубликовать, поделиться полученными
результатами. Я имею силы и знание, и единственная мечта
моей жизни, это иметь возможность осуществить свои научные
замыслы и принести тем самым посильную пользу
Советскому Государству.
Зудинка 13 января 1942г М. Козырев
Криминальное:
1. Собственноручное показание по делу № 58, 10 и 1.

В судебную коллегию Верховного суда РСФСР кассационная жалоба Козырева поступила не одна, а вместе с протестом прокурора. В этом протесте, подписанном 31 марта 1942 г., прокурор РСФСР требовал отменить приговор Таймырского суда за мягкостью наказания, переqualифицировать дело по части 2 статьи 58-10 и применить «полную санкцию», предусмотренную этой частью. Напомним, что статья 58-10 в те годы звучала так:

Часть 1. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст.58-2 -- 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой -- лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Часть 2. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных

на военном положении, влекут за собой -- меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего кодекса.

А преступления статьи 58-2, к которым приравнивались преступления части 2 статьи 58-10, заключались в «вооруженном восстании или вторжении в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захвате власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории». И наказанием за них была «высшая мера социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда». Так что защититься от вредоносных идей Козырева об устройстве Вселенной и недоразвитости гуманитарных наук Советская власть, как считал прокурор, могла только расстрелом.

Был ли протест прокурора спровоцирован кассационной жалобой или он последовал бы все равно – этот вопрос мучил Козырева и был источником досады на свое легкомыслие в течение всех последующих лет заключения. Во всяком случае на рассмотрение Верховного суда РСФСР обе бумаги поступили вместе, и суд ожидаемо встал на сторону прокурора. В определении суда говорилось:

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР установила:

Козырев среди заключенных Норильского лагеря НКВД, как до войны, так и в период военной обстановки проводил антисоветскую агитацию, возводил клевету на советскую власть и опошлял научные труды Маркса – Энгельса. Преступление Козырева подтверждено показаниями свидетелей и суд правильно его квалифицировал по ст. 58-10 УК, но не учел то, что Козырев за контрреволюционную деятельность уже судился, при отбытии наказания вместо исправления продолжал преступную деятельность, а поэтому СК считает, что у суда не было смягчающих обстоятельств не применить полностью Козыреву наказание предусмотренное ст. 58-2 УК, руководствуясь ст. 436 УК,

ОПРЕДЕЛЯЕТ

Приговор суда отменить за мягкостью меры наказания, дело передать на новое рассмотрение в тот же суд со стадии следствия.

Председательствующий: Тюлякова

Члены: Шевченко, Пушкаренко.

И опять возвращаемся к мифам. На этот раз о том, как Козырев ждал расстрельную команду. У И.С. Шкловского он звучит так:

«Потянулись страшные дни. Расстрелять приговоренного на месте не было ни физической, ни юридической возможности. Расстрельная команда должна была на санях специально приехать для этого дела с верховья реки. Представьте себе состояние Н.А.: в окружающей белой пустыне в любой момент могла появиться вдали точка, которая по мере приближения превратилась бы в запряженные (оленьями?) сани с сидящими в них палачами. Бежать было, конечно, некуда. В эти невыносимые недели огромную моральную поддержку Николаю Александровичу оказал отбывавший вместе с ним ссылку Лев Николаевич Гумилев...»¹³

Художественная ценность повествования вступает здесь в небольшой конфликт с исторической правдой. Наличные документы однозначно свидетельствуют о том, что дело

¹³ И. С. Шкловский. Эшелон (невыдуманные рассказы). — М.: Изд-во «Новости», 1991. — С. 182-187

передавалось на пересмотр со стадии следствия, т.е. до расстрела еще должен был пройти ряд формальностей, по меньшей мере – повторный суд.

Более реалистично звучит отрывок из биографии, составленной А.Н. Дадаевым:

«Верховный суд РСФСР счел приговор Таймырского суда либеральным и заменил его высшей мерой — расстрелом: так полагалось согласно установкам, разработанным в верхах. Норильское лагерное начальство не торопилось с исполнением приговора Верховного суда РСФСР: Козырев был нужен как специалист. Находившийся в том же лагере историк и этнолог Лев Николаевич Гумилев (сын известного поэта Николая Гумилева, расстрелянного органами ВЧК в 1921 г.) предсказал Козыреву, пользуясь хиромантией, что расстрела не будет. Это подтвердил и начальник Норильлага, порвавший на глазах Козырева приговор о расстреле... Стране был необходим никель...»¹⁴

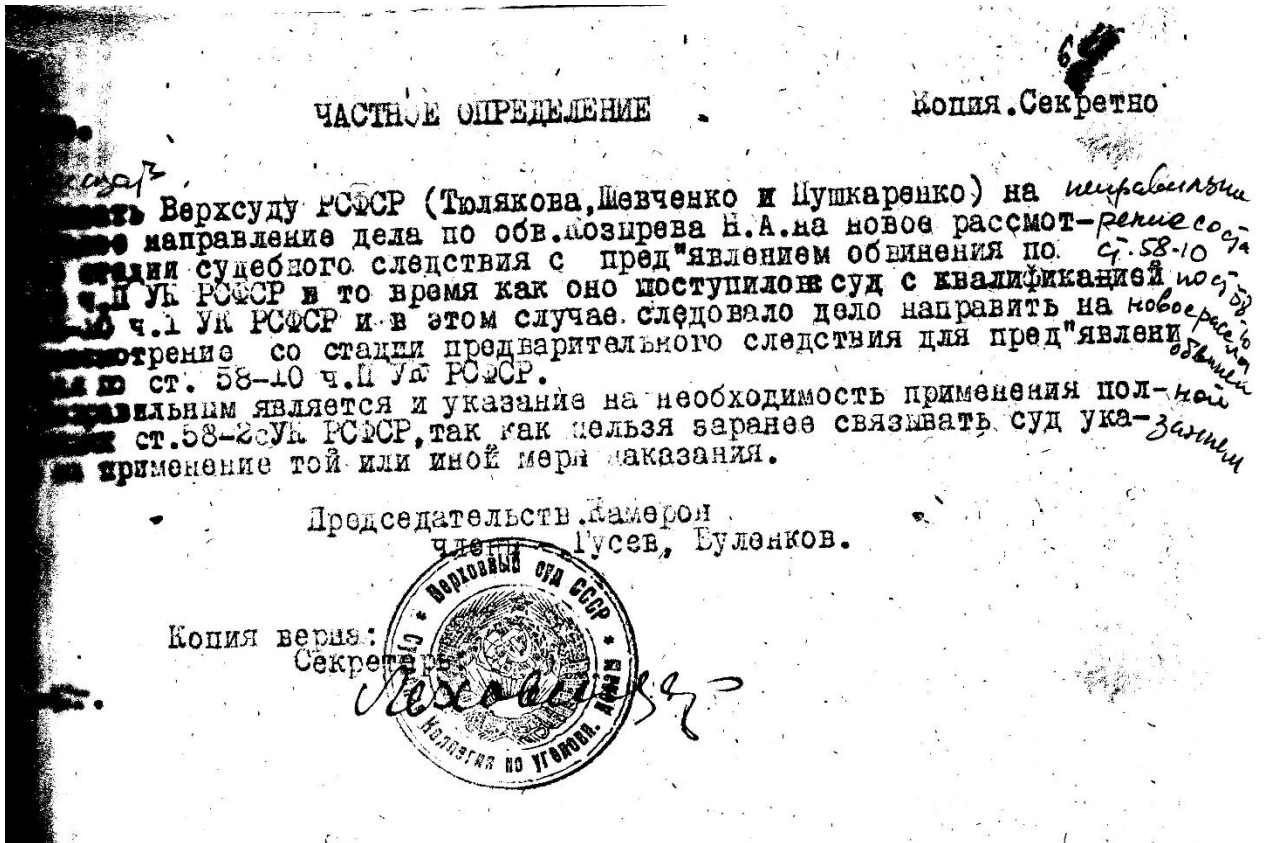
Если начальник лагеря что-то и рвал на глазах у Козырева, то это, конечно, был не приговор, а определение судебной коллегии о новом расследовании. Но факт остается фактом: никаких решений о назначении нового следствия в деле нет. Вместо этого уже весной 1942 года Козырев направляется на работу в Норильский комбинат, где назначается инженером теплоконтроля.

На том невольничьем рынке, в который к концу 30-х годов окончательно превратилась система исправительных учреждений СССР, за первые годы войны произошел серьезный дисбаланс между спросом и предложением, и пускать в расход ценных специалистов стало непозволительной роскошью. Вероятно, начальник лагеря знал о смене курса и не сильно рисковал с задержкой выполнения решения высшей инстанции. ...Стране был необходим никель... Мог догадываться об этом и Лев Гумилев, которому в марте 1943 г., сразу после окончания срока лишения свободы, придется в числе других освобождающихся з/к подписывать обязательство работать в Норильском комбинате до конца войны. Этой догадкой можно отчасти объяснить и успех сеанса предсказания по руке Козырева, которое действительно имело место. Вот и в словах доблестного защитника тов. Самохвалова на суде, как мы помним, прозвучала мысль, что вообще-то таких, как Козырев, надо бы расстреливать, но «поскольку Козырев может дать много полезного для современного общества», следует применить менее суровую кару. Я думаю, что загадка исключительно положительной характеристики работы Козырева на Мерзлотной станции, прозвучавшей из уст главного доносчика Степанченко, объясняется той же причиной.

28 октября 1942 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела протест председателя на предмет отмены определения Верховного суда РСФСР и постановила: «Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 4 апреля 1942 г. в отношении Козырева Николая Александровича отменить, а приговор Таймырского окрсуда от 10 января 1942 г. оставить в силе». При этом суд счел переквалификацию статьи 58-10 по части 2 правильной и обоснованной в условиях военной обстановки, однако «учитывая, что мера наказания, избранная судом в отношении Козырева, соответствует тяжести содеянного, отмену приговора следует признать нецелесообразной». Коллегия вынесла также частное определение, в котором судьи нижестоящей инстанции порицались за юридические оплошности. Во-первых, направлять дело надо было на новое рассмотрение со стадии не судебного, а предварительного следствия. А во-вторых, «неправильным является и указание на необходимость применения полной санкции ст. 58-2 УК РСФСР, так как нельзя заранее связывать суд указанием на применение той или иной меры наказания». На фоне ранее высказанного суждения о

¹⁴ Дадаев А. Н. [Николай Александрович Козырев. К 100-летию со дня рождения](#) // Время и звезды: к 100-летию Н. А. Козырева. — СПб.: НесторИстория, 2008. — С. 30

соответствии приговора Таймырского суда «тяжести содеянного» такая нежная забота о соблюдении социалистической законности создает легкое чувство сюрреализма происходящего.

Есть еще одна значительная деталь, выпавшая из биографических очерков и воспоминаний. Козыреву *не сообщили* о решении Верховного суда СССР. На Лубянке Козырев показал, что его ознакомили с грозным решением Верховного суда РСФСР в июле 1942 г., но «до апреля 1945 г., по этому вопросу я никуда не был вызван и дело не разбиралось». Содержимое личного дела подтверждает это показание. В нем есть письмо председателя окрсуда начальнику 2-го отдела Норильлага НКВД полковнику тов. Комарову (не тому ли, кто порвал документ?), предписывающее объявить Козыреву определение Верховного суда РСФСР, но нет аналогичного документа от судебной коллегии Верховного суда СССР. Вместо него есть постановление пом. оперуполномоченного Оперативного отдела Норильлага от 30 августа 1943 г. о том, что в связи с утверждением приговора Таймырского суда Верховным судом СССР следственное дело Козырева сдается в архив. И как-то не верится, что донести до осужденного благою весть помешала простая забывчивость. Легче верится в то, что доводить до заключенных такие решения было признано нецелесообразным, не способствующим повышению дисциплины и потому не отвечающим интересам социалистического строительства. Поэтому в пассаж Шкловского о невыносимых неделях ожидания тоже необходимо внести поправку. Это были не недели, а месяцы и даже годы.

3. ПЕРЕСМОТР

Согласно официальной справке КГБ в августе 1944 года на имя Народного Комиссара Внутренних Дел СССР поступило заявление от академика АН СССР Шайна Г.А. с ходатайством об освобождении из заключения астронома Козырева Н. А. Ходатайство мотивировалось необходимостью восстановления разрушенных немцами центров астрономической науки в СССР. Далее справка сообщает:

В июне 1945 года, согласно указаний Зам. Наркома Госбезопасности СССР для передопроса и изучения дела в Москву из Норильска был этапирован Козырев Н.А. При проверке было установлено, что Козырев Н.А. является талантливым научным работником, который разработал в 1934 году новую точку зрения на строение звезд с обширными атмосферами, признанную учеными, известными своими работами в СССР и за границей. Является одним из создателей теоретической астрофизики в СССР.

Крупные советские ученые: академик Шайн Г.А., член-корреспондент АН СССР Амбарцумян В.А. и профессора: Паренаго П.П., Воронцов-Вельяминов Б.А. и Павлов Н.Н. в своих отзывах высоко оценивают Козырева Н.А. как ученого астронома, а его работы ставят в первый разряд.

Учитывая изложенное, а также то, что предварительным следствием в 1936-1937 году и судебным заседанием 25 мая 1937 года не было установлено и доказано участие Козырева Н.А. в антисоветской организации, а вынесенный приговор по делу Козырева состоялся по необоснованным данным, было возбуждено ходатайство перед Особым Совещанием МГБ СССР о досрочно-условном освобождении Козырева Н.А. из заключения с правом проживания в г. Ленинграде и Симеизе. 14 декабря 1946 года данное ходатайство было удовлетворено.

Документы дела позволяют прежде всего уточнить хронологию событий. Ходатайство академика Шайна об освобождении Козырева, направленное в Президиум АН СССР, датируется 29 мая 1944 г. На имя Наркома Берии текст этого письма с небольшими изменениями поступает за подписями академиков С.И. Вавилова, Г.А. Шайна и члена-корреспондента А.А. Михайлова. 6 июля Президиум АН за подписью академика секретаря Н.Г. Буевича препровождает заявление в секретариат НКГБ, а оттуда сопроводительным письмом от 19 августа 1944 г. уже со справкой спецотдела по архивно-следственному делу Козырева оно передается на рассмотрение заместителю Л.П. Берии комиссару 2-го ранга тов. Б.З. Кобулову. Кобулов поручает комиссару 3-го ранга П.В. Федотову дать заключение, а от последнего за подписью от 22 августа заявление передается подполковнику Ф.Г. Шубнякову (тому самому, что впоследствии непосредственно участвовал в операции по устранению Соломона Михоэлса) с распоряжением «рассмотреть и дать заключение».

В спешном порядке начинается сбор отзывов ведущих ученых, упоминаемых в справке. Первый устный отзыв удается получить уже 25 августа от проф. МГУ П.П. Паренаго. И это первый по времени документ, подписанный подполковником Н.А. Богомоловым – будущим следователем по делу. Козырев характеризуется в нем как «крупнейший специалист в области теоретической астрофизики, безусловно даровитый ученый». 14 сентября положительная характеристика с подробным описанием вклада Козырева в развитие астрофизики поступает от проф. Б.Н. Воронцова-Вельяминова, а 16 сентября – от проф. Пулковской обсерватории Н.Н. Павлова, где в частности сообщается, что Козырев – «богато одаренный природой человек, большие умственные способности и развитое творческое воображение позволили ему в сравнительно раннем возрасте выдвинуться на арену большой науки». 15 сентября с пометкой «срочно» посылается запрос в Ереван на характеристику от академика В.А. Амбарцумяна и примерно в эти же дни в отдел УНКГБ Ленинграда направляется просьба ускорить высылку подробной научной характеристики на Козырева. Дело явно не терпит отлагательств.

Официальная характеристика на Козырева от вице-президента АН Армянской ССР академика Амбарцумяна направляется на Лубянку из Еревана письмом от 14 октября 1944 г. Для принятия решения о начале пересмотра дела она безусловно имела ключевое значение и в силу высокого положения Амбарцумяна, и по причине его самого близкого знакомства с подследственным. Поэтому рапорт о выполненном задании, поданный 30 ноября на имя Кобулова, содержит пространную цитату из этой характеристики:

«Мое мнение о Николае Александровиче Козыреве как об ученом исключительно высокое. Считаю, что как астрофизик он уступает в нашем Союзе только академику Шайну, а по своей узкой специальности стоит выше его. Его теория протяженных фотосфер известна астрофизикам всего мира.

Обладая широким талантом, он с необычной легкостью овладевал всем, что нужно для научной работы. То, чего я достигал путем долгого и упорного труда, от него требовало сравнительно небольших усилий. По широте своих способностей, независимости подхода к научным проблемам он мне представляется типом настоящего русского ученого».

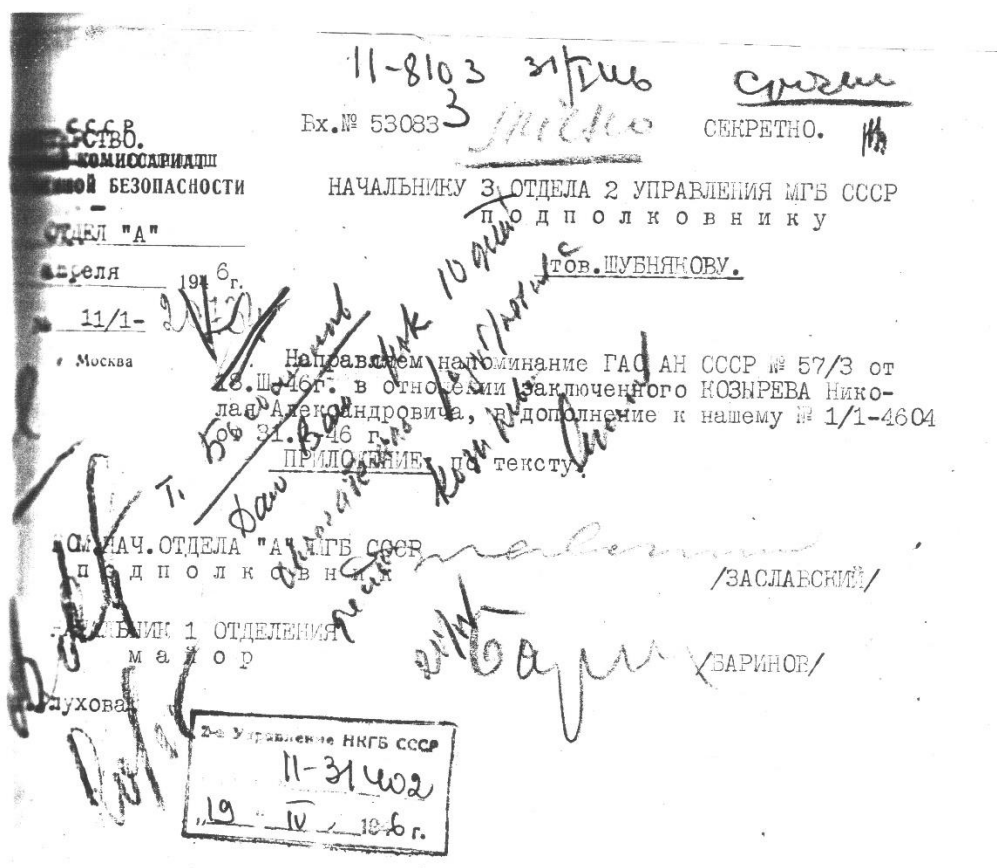
За этой цитатой следовала заключительная фраза рапорта: «Сообщая о вышеизложенном, прошу Ваших указаний. Начальник 2 управления НКГБ, комиссар госбезопасности 3 ранга Федотов».

Осторожный Амбарцумян не преминул указать в своей характеристике, конечно, и то, что его как советского человека в Козыреве смущало. Например, то, что отец Козырева в Гражданскую войну работал у Колчака и после перехода на советскую службу «оставался человеком старого закала», а потому и «в отношении политического воспитания влияние семьи не могло быть положительным». Драгоценным для нас является свидетельство Амбарцумяна о том, что еще тогда, в начале 30-х, «Козырев иногда, по праздникам посещал церковь, что для меня было странным, так как астрономы обычно – неверующие люди. Правда, он мне говорил, что его заставляет идти в церковь традиция и эстетическое удовлетворение, им получаемое». Но эти подробности в рапорт не попали.

На рапорт в тот же день наложена резолюция: перевести в Москву, поместить недели на две-три во внутреннюю тюрьму, изучить в процессе допросов, проверить «техникой и подсадой» и по результатам принять решение. Как мы знаем, эти две-три недели в итоге обернулись полутора годами, и здесь мы снова имеем дело с загадкой, которую едва ли уже удастся разрешить. Почему так затягивалось следствие? А.Н. Дадаев, ссылаясь на неопубликованный очерк А.И. Кульпина, высказывает соображение, что причиной были опасения следователя по особым поручениям Н.А. Богомолова: он де затягивал дело с целью понять, что от него хочет начальство. Кульпин, получивший доступ к архивам КГБ в 1989 году, утверждал, что Богомолов опасался, как бы это дело не «подсунули» ему с целью проверки качества его собственной следовательской работы. И только поняв из упреков начальства по поводу затяжки пересмотра дела, что выводы должны быть положительными, он ускорил процесс. Имеющиеся у меня документы не позволяют проверить правильность этого предположения. Возможно, Кульпин имел доступ к другим документам, включая личное дело Богомолова, недаром Дадаев пишет, что главный герой очерка Кульпина «Богу все чудеса доступны» – это, собственно, не сам Козырев, а его полный тезка следователь Богомолов. Кульпин усматривал в том, что на пересмотр дела назначили именно этого следователя, одно из чудес, окружавших Козырева (кроме совпадения имен знакова и фамилия!). Впрочем, А.Н. Дадаев советует не увлекаться психологизмами очерка, определяя его как *сочинительство*.¹⁵ Некоторые документы, имеющиеся в деле Козырева, заставляют усомниться в том уровне независимости решений следователя, из которого исходит Кульпин.

¹⁵ Дадаев А.Н., ук. соч., с. 32

Так, на всех монотонно повторяющихся с периодичностью раз в две недели просьбах Козырева к следователю о выдаче книг, выдаче табака, сообщении о его месте нахождения родным и т.п. – стоят резолюции зам. наркома С.И. Огольцова (того, что руководил убийством Михоэлса): выдать, разрешить, согласовать. А на жалобе Козырева от 2 мая 1946 г. о плохом состоянии здоровья – его же резолюция «срочно вызовите Козырева ко мне на допрос». Создается впечатление, что работа Богомоллова с Козыревым плотно курировалась с верхов, и ему едва ли позволили затягивать дело, если бы не присутствие каких-то неведомых нам обстоятельств. Дело двигалось рывками. Ускорения чередовались с торможениями, и даже после того, как на осторожном «Напоминании» ГАО о Козыреве от 18 марта 1946 г. появляется грозное указание Огольцова Богомоллову: «Даю Вам срок 10 дней окончательно разобраться с делом Козырева» (20 апреля 1946), до принятия решения проходит не 10, а примерно 130 дней.

Но продолжим хронологию событий. Решение о переводе Козырева в Москву принято 30 ноября 1944 года, а 15 декабря за подписью Шубнякова в Норильлаг отправляется приказ об этапировании. Этапирование, согласно показаниям Козырева, началось в марте, а закончилось в мае 1945 года. Здесь справка КГБ немного расходится с личным делом. На Лубянку Козырев поступает не в июне, а 26 мая, как свидетельствует анкета арестованного, подписанная в приемном отделении Внутренней тюрьмы мл. лейтенантом Чугуевым. 30 мая 1945 г. Богомоллов составляет первый протокол допроса, причем допрос как таковой, судя по документам, не проводится. Подследственный на этой встрече со следователем начинает писать автобиографию в форме личных показаний, и эту работу ему предстоит продолжить 18 июня, 12 июля и 2 августа. А настоящие допросы в вопросно-ответной форме начнутся ровно через год после первой встречи со следователем, 30 мая 1946 г.

Полный рукописный текст автобиографии Козырева занимает 20 листов. Здесь приводится только его последняя часть, непосредственно касающаяся темы статьи.

ЛИЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

В 1936 г., еще до ареста, занимаясь вопросом внутреннего строения звезд, я стал приходить к заключению, что основной вопрос теоретической астрофизики – вопрос о происхождении энергии Солнца и звезд – не может быть решен применением существующих представлений теоретической физики, а связан с особыми явлениями, неизвестными физике, и должен быть изучен непосредственно – анализом данных наблюдательной астрономии. После суда я находился в заключении в Дмитровской тюрьме (город Дмитровск – Орловский Курской обл.). Здесь в течение двух лет, располагая письменными принадлежностями, я интенсивно занимался формулированным выше вопросом и получил следующие результаты: удалось найти математическую формулировку задачи равновесия звезды, без каких-либо априорных допущений. Было получено объяснение основной зависимости – «масса – абсолютная яркость» и в связи с этим определен ряд характеристик поведения материи внутри звезды. Удалось показать, что внутри обычных звезд нет паталогических областей и что в ряде случаев энергия вырабатывается звездами в условиях не столь отличных от тех, которые могут быть осуществлены в земной лаборатории. Т. о. вся проблема стала приобретать еще больший интерес.

В мае 1939 г. в числе других заключенных Дмитровской тюрьмы я был этапирован через Красноярск в Норильский лагерь НКВД на Таймырском полуострове, причем был оставлен на работе в лаг/отд., находящемся в с. Дудинке. До января 1940 г. работал на общих, сначала тяжелых, а затем, по состоянию здоровья на легких физических работах. Мои рукописи Дмитровской тюрьмы не сохранились, поэтому первый год пребывания в Норильлаге, в свободное от обязательной работы время, я занимался их восстановлением.

В 1940 г. с января месяца был направлен на Дудинскую Мерзлотную станцию для работы в качестве геодезиста. Весной 1940 г. я был расконвоирован и производил топографические съемки с. Дудинки и его окрестностей. Осенью 1940 г. работал инженером геодезистом Дудинского отд. капитального строительства, а с декабря был начальником Мерзлотной станции. Здесь я увлекся рядом вопросов мерзлотоведения и сделал ряд работ, из них главнейшая заключалась в разработке метода определения тепловых характеристик грунта по единовременному определению температур внутри неглубоких буровых скважин и составление геотермической карты района Дудинки.

В конце июня 1941 г., вернувшись из экспедиции по изучению ледохода на реке Енисей в станке Новоселенье, я был заключен в следственную тюрьму. Только в ноябре я был вызван следствием, причем мне было предъявлено обвинение по статье 58-10, часть 1. В январе 1942 г. по этому обвинению меня судил окружной суд Таймырского национального округа.

Предъявленное мне обвинение заключалось в том, что я, находясь в Дудинском лаг/отд. Норильлага, якобы проводил антисоветскую агитацию среди лагерного контингента, выразившуюся в попытках дискредитации учения Маркса – Энгельса и в недовольстве некоторыми мероприятиями партии и правительства.

Обвинение основывалось на следующих материалах:

Осенью 1940 г., работая инженером капстроительства, я жил в небольшом помещении (на 6-8 человек) с другими заключенными, находившимися на квалифицированных работах.

Приходя с работы, я почти каждый вечер занимался, стараясь восстановить результаты, полученные мною в Дмитровске, что почему-то раздражало некоторых из проживающих со мною лиц. Однажды в шуточной форме я сказал, что, видимо, не всегда «бытие определяет сознание», и что при разумном и внимательном отношении друг к другу условия совместной жизни были бы много лучше. Кроме того, в одном из разговоров я сказал, что, по моему мнению, науки гуманитарные менее развиты, чем науки физико-математические. Однажды на вопрос з/к КРЕЧМАРА каких русских поэтов я считаю лучшими, я назвал нескольких и в том числе поэта Н.С. ГУМИЛЕВА.

Эти данные показывали на суде свидетели з/к КРЕЧМОР и з/к СТЕПАНЧЕНКО, доказывая этим, что я идеалистически настроен и что мои слова противоречат марксизму.

Кроме того з/к КРЕЧМАР показывал, что осенью того же 1940 г., когда он рассказывал о новом указе правительства по организации ремесленных училищ, я будто бы заявил, что это ужасно. Суть же этого разговора заключалась в том, что КРЕЧМАР не совсем точно рассказал содержание этого указа, полагая, что каждый учащийся обязан пройти через ремесленное училище, на что я заметил, что для человека абстрактного ума это было бы ужасно непроизводительной тратой времени.

К этим показаниям было добавлено показание з/к ПЛАХОВА и БЕЛЕЦКОГО, которые осенью 1941 г. находились в следственной тюрьме в одной камере со мной. В этой камере в октябре мне удалось решить давно занимавшую меня задачу определения структуры звезды типа цефеид по зависимости периода колебания яркости этих переменных звезд и их средней плотности. Во время этих моих занятий з/к ПЛАХОВ сказал про меня, что если бы я работал в обсерватории, оказался на оккупированной немцами территории, то, очевидно, я продолжал бы научную деятельность. Я ответил, что, вероятно, это было бы так, ибо сейчас я ни о чем другом не могу думать.

Все эти показания на суде я подтверждал, но заявил, что никакой агитации против Советской власти в этом нет и не было, и что никаких попыток дискредитации марксизма с моей стороны не было.

Суд в своем постановлении приговорил меня к 10 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах с погашением старого срока – начало срока считать с января 1942 г.

Я сразу же подал кассационную жалобу в Верховный Суд. В июле 1942 г. мне дали расписаться в прочтении извещения Кассационной Коллегии Верховного Суда, где было сказано, что приговор суда Таймырского нац. округа отменен и что дело должно быть пересмотрено. Однако до конца моего пребывания в Норильлаге, т.е. до апреля 1945 г., по этому вопросу я никуда не был вызван и дело не разбиралось.

После суда я был переведен в Норильск. В Норильске я был назначен на работу на большой металлургический завод. Здесь начальник завода назначил меня инженером теплоконтроля завода. На моей обязанности лежало получение физико-химических характеристик работы металлургических агрегатов, контроль правильности работы измерительной аппаратуры завода и, в случае необходимости, ее ремонт¹⁶.

Проработав год на заводе, я тяжело заболел и не мог поправиться из-за сернистого газа на заводе. После ряда просьб с моей стороны директор завода весной 1943 г. разрешил мне перейти на работу в Геологическое управление Норильского комбината.

В течение года моей работы на заводе я имел доступ к научно-технической литературе, имевшейся в комбинате. В результате мне удалось частично ознакомиться с новыми данными физики и астрономии.

В Геологическом управлении, работая инженером геофизиком, я был сразу же направлен в экспедицию на Хантайское озеро, где производил магнитометрическую съемку в качестве прораба экспедиции. Осенью этого года, вернувшись в Норильск, через несколько дней получил направление на работу в Нижне-Тунгусскую геолого-разведочную экспедицию. Прибыл в Туруханск по пропуску на пароходе и затем добрался до реки Северной – основного пункта работ этой экспедиции. Мне было поручено работать начальником Северного Магниторазведочного отряда. На этой работе я и находился полтора года до марта 1945 г., когда был вызван распоряжением нач. Норильского лагеря в Норильск. Все это время отряд, работой которого я руководил, находился на десятки км. от штаба экспедиции, в условиях полного бездорожья. Выполняя работы геофизического и геодезического характера, мне удалось: 1) разработать метод определения глубин залегания рудного тела путем определения вертикальной слагающей магнитного поля (измерения осуществлялись влезанием на дерево с прибором) и 2) найти удобный способ определения азимута из наблюдений Солнца и звезд.

¹⁶ При переводе на другую работу Козырев передаст эти должностные обязанности автору «Норильских рассказов» С. Снегову.

В этот период занимался продолжением своих теоретических занятий по астрономии. Зимой 44-45 г. из анализа соотношения Рессела – Гертцшпрунга вывел некоторые законы, характеризующие явление выделения энергии в звездах, оказавшиеся совершенно неожиданными с точки зрения теоретической физики.

2/ VIII – 45 г. Н. Козырев

Допросы, проводившиеся в мае-июне 1946 г., в основном фокусировались на первом, пулковском деле. Следователя интересовали в подробностях отношения Козырева с главными фигурантами дела – проф. Нумеровым, Балановским, Яшновым, Герасимовичем. О таймырском следствии и суде разговор зашел только в конце последнего из четырех допросов, состоявшегося 6 июня 1946 г., и начинался он словами: «Расскажите о Ваших преступлениях в Норильлаге». Ничего принципиально нового в сравнении с предыдущими показаниями в этом допросе не проявилось, разве что опять прозвучала история с Ньютоном и ослом, теперь уже в интерпретации Козырева:

«Должен следствию заявить, что СТЕПАНЧЕНКО М.К. больше всего меня раздражал тем, что он часто заводил со мной разговор на научно-философские темы, в которых часто заявлял такие утверждения, с которыми я согласиться не мог. Так, он в разговоре заявлял, что якобы Энгельс в своих работах называл И. Ньютона ослом и оспаривал некоторые астрономические положения, в которых абсолютно не разбирался, но он старался постоянно подкреплять свои утверждения неправильными ссылками на труды К. Маркса и Ф. Энгельса.

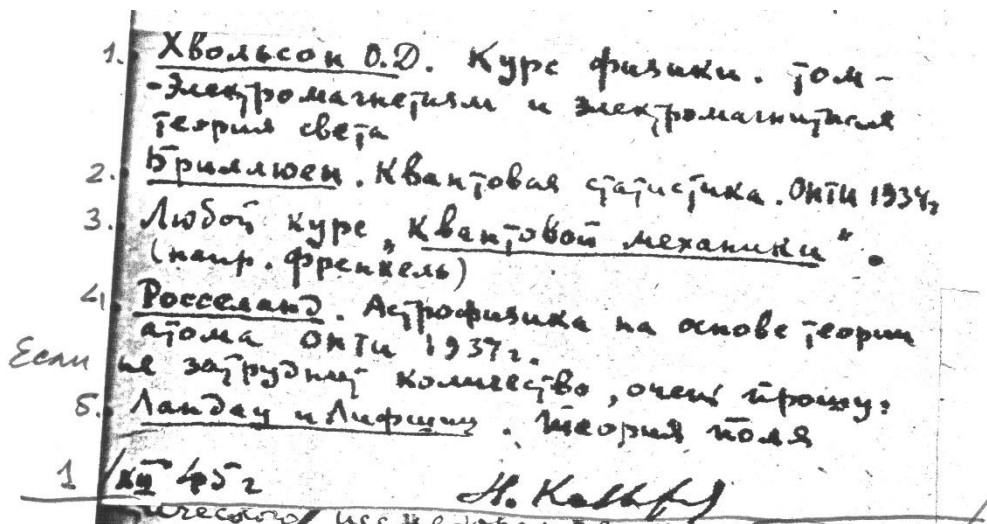
Я со своей стороны часто возражал и доказывал исключительное значение Ньютона для науки, которого СТЕПАНЧЕНКО по малограмотности недооценивал в своих спорах со мной».

Как жилось эти полтора года Козыреву на Лубянке? Несомненно, лучше, чем в первой, Дмитровской тюрьме. Не было голода и посадок в карцер. Из бытовых жалоб самая настойчивая – о нехватке табака. Он мог работать и заказывать книги по специальности. В одной из просьб к Богомолу он просит вернуть взятые на изучение конспекты, которые нужны для продолжения работы. Политзаключенные здесь содержались отдельно от блатных, и компания, в которой оказался Козырев, могла быть ему интересна. Здесь он познакомился с С.И. Фуделем¹⁷, оставившем об этом знакомстве свои воспоминания, с другими замечательными людьми. Случались встречи с пленными немецкими офицерами, с которыми Козырев ввиду хорошего знания немецкого языка тоже немного общался. С этим общением был связан один случай, особенно врезавшийся мне в память из рассказов отца. В одной из камер он оказался рядом с пожилым высокопоставленным немцем (то ли генералом, то ли консулом Германии) и как-то, видя его беспомощность, решил помочь ему завязать шнурок. Охранник, увидевший эту сцену, решил, что Козырев встал перед немцем на колени и был взбешен вплоть до того, что направил на него оружие, а затем составил рапорт. Пришлось объясняться со следователем.

Но был в этом заключении и поистине трагический момент, о котором отец всегда говорил, как о самом тяжелом испытании в его жизни. На одной из последних встреч Богомолу объявил ему, что дело почти решено в пользу досрочного освобождения, осталась одна малость. Поскольку над Козыревым все же висит обвинение в недоносительстве на пулковского коллегу Балановского, достаточно изобличенного в антисоветских разговорах, предстоит убедить органы в том, что это преступление больше не повторится и тем доказать свою лояльность. А для этого надо всего лишь сообщить следователю хотя бы об одном подозрительном разговоре в камере. Сразу после этого в камере появился провокатор, настолько открыто и грубо агитировавший против советской власти, что сомневаться в его задании не приходилось. И разум говорил, что никому хуже не станет, если на него донести, что таковы правила игры, а душа разрывалась от

¹⁷ См.: С.И. Фудель. [Воспоминания, глава 8](#)

перспективы вернуться в лагерь после того, как спасение было так близко. И такова была тяжесть этого выбора, что именно тогда открылась у отца язва желудка, от которой он потом сильно страдал всю жизнь, пережил прободение, операцию и рак пищевода, ставший причиной его смерти. Но к следователю он не вызвался, а когда его вызвали самого, был уверен, что его ждет решение, которого он так боялся. Богомолов долго писал, не поднимая головы, а потом задал один-единственный вопрос: «Козырев, Вы в Бога верите?» – «Да». – «Ступайте». Так передает этот загадочный диалог Дадаев. Так его запомнил и я из рассказов отца. Вот только время, когда он произошел, я назвать не могу.

Список книг, запрашиваемых Н.А. Козыревым в камеру Лубянки

Шестистраничное «Заключение» по делу Козырева Н.А. подписанное 28 августа 1946 года подполковником Богомоловым, подполковником Шубняковым, генерал-лейтенантом Федотовым и утверждено 31 августа генерал-лейтенантом Огольцовым, начиналось словами: «Я, зам. начальника 5 отделения Отдела 2-3 2-го Главного Управления МГБ СССР – подполковник Богомолов, рассмотрев материалы в отношении Козырева ... НАШЕЛ: ...»

Далее перечислялись ходатайство Шайна и характеристики на Козырева от коллег, материалы первого и второго следствия, показания Козырева, данные в ходе этих следствий, показания, данные им на Лубянке в мае-июне 1946 г, показания, данные против него фигурантами пулковского дела и свидетелями таймырского дела и в завершение говорилось:

«Учитывая все вышеизложенное считаю, что предварительным следствием в 1936-37 гг. и судебным заседанием 25.05.37 не было установлено и доказано участие КОЗЫРЕВА Н.А. в антисоветской организации проф. НУМЕРОВА Б.В., а вынесенный приговор по делу КОЗЫРЕВА состоялся по не совсем обоснованным данным.

Тогда же на следствии и на судебном заседании показаниями арестованных и признанием самого Козырева было установлено, что он являлся свидетелем антисоветских разговоров его сослуживцев – ЯШНОВА П.И. и БАЛАНОВСКОГО И.А., а от последнего в 1934 г. слышал заявление террористического характера по адресу руководителей партии и сов. правительства, но об этом он, КОЗЫРЕВ, ни в какие сов. организации до его ареста заявлений не делал, за что он, собственно, и должен был бы понести ответственность по ст. 59 и 13 УК РСФСР.

Арест КОЗЫРЕВА Н.А. 25 октября 1941 г. и вторичное его осуждение 10.01.42 Таймырским окрсудом по ст. 58 п.10 ч. II УК РСФСР на 10 лет ИТЛ являются необоснованными, так как следствием и судебным заседанием не была установлена антисоветская деятельность КОЗЫРЕВА Н.А. Свидетельские показания заключенных СТЕПАНЧЕНКО и КРИЧМАН о, якобы, антисоветских разговорах КОЗЫРЕВА среди заключенных, безусловно, являются

несостоятельными, их брать за основу для вынесения приговора ни в коем случае не следовало бы. Показания СТЕПАНЧЕНКО и КРИЧМАН показывают, что они в дискуссии с Козыревым по научным вопросам проявляли свою малограмотность и неосведомленность в вопросах, которые были предметами их споров.

В связи с этим и учитывая то, что КОЗЫРЕВ Н.А. является крупным и талантливым ученым-астрономом

ПОЛАГАЛ БЫ:

Ходатайствовать перед Особым Совещанием МВД СССР поставить на рассмотрение дело по обвинению КОЗЫРЕВА Николая Александровича на предмет досрочного-условного его освобождения из заключения с правом проживания в г. Ленинграде и г. Симеизе (Крым) – центра астрономической науки СССР».

14 декабря 1946 г. постановлением Особого Совещания МВД СССР Н.А. Козырев был условно-досрочно освобожден, а 24 декабря решение было ему объявлено, и он расписался в получении справки. Видимо, в этот же день он и был освобожден. Как пишет Дадаев, несколько дней Козыреву пришлось провести в Москве, улаживая в Академии Наук дела, связанные с устройством на работу и предстоящей защитой диссертации. Новый 1947 год он встречал уже в Ленинграде. Там, в комнате своей бывшей няни и домработницы семьи Козыревых, работая на подоконнике (стола в комнате не было) он за два с небольшим месяца закончит и подготовит к защите диссертацию на соискание степени доктора физико-математических наук о внутреннем строении звезд.

Точку в таймырском деле Н.А. Козырева поставит постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21 февраля 1958 года. В нем будет сказано:

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Пленум находит осуждение Козырева необоснованным, так как высказывания, которые ему вменяются показаниями свидетелей, хотя в ряде случаев являются политически неправильными, однако не могут рассматриваться как антисоветская агитация и не подпадают под признаки ст. 58-10 УК РСФСР.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного Суда СССР п о с т а н о в л я е т :

Приговор Таймырского окружного суда от 10 января 1942 года, определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 4 апреля 1942 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 28 октября 1942 года по делу Козырева Николая Александровича отменить и дело его на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Председатель: А.Ф. Горкин

Так закончилось это дело. Козырев оказался единственным из репрессированных пулковчан, кто вернулся из ГУЛАГа живым и способным продолжить работу по специальности. Впереди его ждала полная реабилитация и по пулковскому делу, но до этого – опасность нового ареста в 1949 году, избежать которого ему помог следователь Н.А. Богомолов. В эту очередную волну репрессий в заключении снова оказались ближайшие друзья Козырева по Норильским лагерям – В.Г. Бер и Л.Н. Гумилев. И Богомолов, подошедший к Козыреву в фойе Мариинского театра, чтобы посоветовать реже бывать в Ленинграде, наверное, знал, что и над его подследственным уже нависла угроза ареста. Что подвигло следователя к этому шагу – внутренний ли протест против безумий государственной политики, или симпатия и уважение, которое заслужил Козырев в его глазах за время их общения на Лубянке – точно нам это вряд ли удастся узнать. Документы, молчавшие почти век, и так рассказали нам больше, чем можно было ожидать.

В этой статье были представлены наиболее важные документы архивного дела. Там осталась лежать масса других, менее официальных, но по-своему значительных свидетельств эпохи, раскрывающих детали тюремного быта, следственного процесса, стиля общения между людьми. Один из таких «технических» документов тронул меня сильнее других. Это описание имущества з/к Козырева, пришедшего этапом в Москву из Норильска, составленная кладовщиком Гришиным:

Мешок травяной старый – 2 шт.
Пиджак х/б ватный стеганный – 1 шт.
Рубашка х/б теплая – 1 шт.
Шапка ушанка х/б старая – 1 шт.
Шарф серый старый – 1 шт.
Варежки меховые б/у – 1 пара
Противогазовая сумка – 1 шт.
Мешочки разные – 4 шт.
Галстук простой – 1 шт.
Карандаш кусочек – 1 шт.
Свечка сломанная – 1 шт.

Люди моего поколения помнят, как часто в советское время по радио передавали песню «С чего начинается Родина» в исполнении Марка Бернеса:

С чего начинается Родина?
С окошек, горящих вдали,
Со старой отцовской будёновки,
Что где-то в шкафу мы нашли.

Моя Родина начинается с того самого кусочка карандаша и сломанной свечки в карманах телогрейки з/к Козырева, будущего первооткрывателя лунного вулканизма, создателя причинной механики, человека, который первым в истории науки попытался экспериментально исследовать время. А в шкафу, вернее – на антресоли – я нашел в свое время потертый фибровый чемоданчик, с которым отец в декабре 1946 г. покинул тюрьму Лубянки.

Н.А. Козырев в середине 1930-х с женой Верой Николаевной